

Экономические науки

УДК 321
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-1-114-122

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ РЕНЕССАНС И НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

GLOBAL INDUSTRIAL RENAISSANCE AND NEW INDUSTRIAL POLICY OF RUSSIA: ECONOMIC AND POLITICAL DIMENSIONS

М. В. Добрынина, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва

M. Dobrynina, National Research University of Electronic Technology “MIET”, Moscow

Анализируются основные факторы, обуславливающие новые тенденции в экономической политике стран Европы и США: промышленный ренессанс, возвращение добывающей и обрабатывающей индустрии в развитые страны, повышение политической и экономической значимости инженерного образования. Отмечается, что при доминировании экономических целей и идей политические факторы играют существенную роль в идеологии реиндустриализации. Для США таким фактором является идея сохранения статуса мировой сверхдержавы. Для России – импортозамещение и политическая автономия, ориентированная не только и не столько на преобразование экономической ситуации в стране, сколько на решение задачи обеспечения России большей политической автономии за счет роста национального экономического, в первую очередь, промышленного потенциала.

Рассматривается статистика степени импортозависимости отраслей промышленности РФ в 2014 г., отмечается высокая степень импортозависимости экономики России. Названные причины, объективно и независимо от политических обстоятельств создают угрозу экономической безопасности РФ. Однако необходимость преодоления отрицательных негативных последствий политической изоляции России стала фактором, который побудил руководство РФ к пересмотру приоритетов промышленной политики, важнейшим из которых стало импортозамещение.

Новая промышленная политика и политика в отношении инженерного образования в первую очередь основаны на осознанной политическими элитами необходимости построения инновационной индустрии, восстановления и развития промышленного потенциала нашей страны посредством привлечения новых кадров и высоких технологий

Ключевые слова: новая промышленная политика; реиндустриализация; экономический кризис; добывающая промышленность; обрабатывающая промышленность; валовый внутренний продукт; санкционная политика; импортозамещение; технологии; инженерное образование

The author of this article analyzes the main factors that determine the new trends in economic policy in Europe and the United States: industrial Renaissance, return of mining and manufacturing industries in developed countries, increase in the political and economic importance of engineering education. It is noted that with the dominance of economic goals and ideas, political factors also play a significant role in the ideology of reindustrialization. For the United States, such a factor is the idea of maintaining the status of a world superpower. For Russia, it is import substitution and political autonomy, focused not only and not so much on transforming the economic situation in Russia, but on solving the task of providing Russia with greater political autonomy due to the growth of national economic, primarily industrial potential.

In the article, the author analyzes statistics on the degree of import dependence of Russian industries in the important year 2014, indicating a high degree of import dependence of the Russian economy. These economic reasons, objectively and independently of political circumstances, pose a threat to the economic security of the Russian Federation. However, it was the need to overcome the negative negative consequences of Russia's

political isolation that became the factor that prompted the leadership of the Russian Federation to revise the priorities of industrial policy, the most important of which was import substitution.

It is concluded that the new industrial and engineering education policies are primarily based on the need for political elites to build an innovative industry and restore and develop the industrial potential of our country based on new personnel and high technologies

Key words: new industrial policy; reindustrialization; economic crisis; extractive industry; manufacturing industry; gross domestic product; sanctions policy; import substitution; technology; engineering education

Введение. Новая промышленная политика России и курс на новую индустриализацию, осуществляемые с 2010-х гг., имеют два стратегических измерения, которые определяются двумя уровнями государственно-политического целеполагания, пребываю в сложной диалектической взаимосвязи и подчас конфликтуют между собой на уровне тактики реализации глобальной стратегии: экономическое и политическое.

Экономическое измерение. Россия очередным (в истории страны) мощным модернизационным рывком пытается преодолеть разрыв между собой и ведущими странами по уровню развития промышленности и новых технологий. На государственном уровне в полной мере осознается усложняющая названную задачу тенденция, которая заключается в том, что ведущие страны продолжают свое движение по пути экономического роста опережающими по отношению к России темпами.

В течение 50 лет, предшествующих глобальному экономическому кризису 2008 г., в развитых странах мира наблюдалась тенденция сокращения доли промышленности в ВВП этих стран. Так, в Германии доля промышленности в ВВП сократилась с 29,8 % в 1960 г. до 17,4 % в 2009 г., во Франции – с 22,2 до 9,6 % в те же годы, в Великобритании – с 26,2 до 9,3 %. В целом для стран Евросоюза в 2009 г. показатель составлял 13,3 %. Такие же темпы падения доли промышленного производства в объеме ВВП наблюдались в США: она снизилась с 25,2 % в 1960 г. до 11,1 % в 2009 г. [14].

Кризис 2008 г. показал европейским странам и всему миру важность и необходимость осуществления сильной промышленной политики. В 2008 г. в ведущих странах мира пересмотрены подходы к стратегическому планированию и осуществлению политики в отношении индустриального сектора экономики. Странами Европейского союза взят курс на так называемый «Промышленный ренессанс».

Коммюнике (Послание) Еврокомиссии «За европейский промышленный ренессанс» гласит: «Кризис подчеркнул важность реальной экономики и сильной промышленности. Взаимодействие промышленности с экономической структурой остальной Европы выходит далеко за рамки производства, включая сырье и энергию, а также бизнес-услуги (например, логистикой), потребительские услуги (например, послепродажное обслуживание товаров длительного пользования), туризм. Промышленная деятельность интегрирована во все более богатые и сложные производственно-сбытовые цепочки, связывающие ведущие корпорации и малые или средние предприятия (МСП) в различных секторах и странах. Экономическая значимость промышленной деятельности гораздо выше, чем предполагает доля обрабатывающей промышленности в ВВП. Промышленность составляет более 80 % европейского экспорта и 80 % частных исследований и инноваций. Почти каждое четвертое рабочее место (чаще высокой квалификации) в частном секторе приходится на промышленность, в то время как каждое дополнительное рабочее место в производстве создает 0,5...2 рабочих места в других секторах. Комиссия считает, что сильная промышленная база будет иметь ключевое значение для восстановления экономики и конкурентоспособности Европы» (выделено мной – М. Д.) [15].

Возрождение промышленного развития наблюдается и в Соединенных штатах Америки. С 2008 г. администрация США на законодательном уровне отказалась от размещения промышленного (в том числе добывающего и обрабатывающего) производства за рубежом, преимущественно в развивающихся странах, а также приоритетной государственной поддержки развития сферы услуг [12]. Президент американского Фонда информационных технологий и инноваций Р. Аткинс отметил ряд факторов, обуславливающих

необходимость и стратегическую значимость изменений, решения о которых должны быть приняты на самом высоком уровне, для проведения в жизнь которых требуется не только политическая воля институтов законодательной и исполнительной власти, но и поддержка всей нации, гражданского общества в лице промышленников, бизнеса, академии и всего населения. Р. Аткинс называет следующие факторы:

1. Промышленность выступает драйвером развития других секторов экономики (ее развитие порождает так называемый спilloвер-эффект). Более 10 лет ведущие страны мира – США, страны Евросоюза, Китай – строят промышленную политику на основе знания закономерности, в соответствии с которой вложения в промышленность, в первую очередь, обрабатывающую, «возвращают» в экономику страны 1,5 единицы денежных средств на каждую вложенную единицу.

2. Фактор эффекта противоположного изменения (обратный эффект) – снижение объемов промышленного производства постепенно приводит к деструктивным изменениям во всех отраслях экономики, связанных с технологиями и инновациями, включая сферу бытовых услуг. Если производство перемещается из одной страны в другую (например, из США в Китай или Индонезию), ввиду того, что в третьих странах рабочая сила и ресурсы производства являются более дешевыми, то импульс инновационного развития перетекает в том же направлении. Баланс экономического потенциала также смещается в направлении страны третьего мира. Эта закономерность была осознана государствами, правительствами и бизнесом (в такой степени, что «усиление экономической мощи Китая стало внушать опасения, и помещение там новейших производств стало восприниматься как угроза национальной безопасности США» [9]), и с 2010 г. до настоящего времени более 50 % американских компаний вернули основные промышленные мощности на территорию США.

3. Следующим фактором пересмотра промышленной политики в США стала сланцевая революция. После разработки и открытия производства на сланцевых месторождениях углеводородов, цена на энергоносители стала снижаться, что исключительно благотворно воздействует на развитие промышленного производства.

Курс на промышленный ренессанс осмысляется, регулируется и осуществляется европейскими институтами и государствами в первую очередь в экономическом ключе и в рамках экономической политики. В частности, индустриальный ренессанс подразумевает создание и поддержку не просто новых прорывных технологий, но новых отраслей производства и сфер научного знания, поскольку технологии, обладая самоценностью, эскалируют новые научно-технологические циклы, производства, инженерные профессии, рабочие места, рынки и т. п. [1].

Огромное значение в политике индустриализации имеет и политический аспект. В частности, для правительства и народа США «новая промышленная политика, или реиндустриализация, рассматривается как объединяющая национальная идея сохранения и упрочения американского мирового лидерства не только в области высоких технологий, но и в широком наборе новых индустриальных процессов, формирующих шестой технический уклад» [9]. Более того, в geopolитическом отношении, политические и бизнес-элиты смогли консолидировать население США вокруг этой национальной идеи, показав, что сохранение и укрепление позиций США в качестве мировой сверхдержавы самым прямым и непосредственным образом зависит от эффективности политики реиндустриализации.

В этой связи к инженерному образованию предъявляются новые требования: ориентация на опережающее по отношению к производству и науке обучение. Так, в 2009 г. 44-й Президент США Б. Обама поставил перед правительством задачу – обеспечить новую технологическую революцию, повысить научкоемкость национальной системы производства, науки и образования с тем, чтобы создать и драйверы, и стартовую платформу для будущих технологических прорывов [10].

В США действует ряд правительенных программ поддержки развития инженерного образования: в крупнейших технологических университетах страны созданы технологические хабы – центры инновационного развития, где рабочие приобретают новые компетенции и навыки применения новых производственных технологий. В Огайо организован Национальный инновационный институт активного производства, объединивший крупнейшие промышленные корпо-

рации, исследовательские лаборатории и институты, университеты и колледжи. С 2014 г. в США функционирует целевая программа поддержки наставничества на рабочих местах в рамках индустриального производства.

Вместе с тем, патриотический настрой и идеология мировой сверхдержавы транслируется в данном примере в рамках американской модели построения взаимоотношений государства и общества не только сверху вниз, но и снизу вверх. Инициатором и драйвером реализации инновационной инициативы по поддержке инженерного образования с целью сохранения лидирующих позиций в мировой политике и экономике являются и институции гражданского общества.

В рамках традиционной для Америки либеральной модели образовательной политики, меры поддержки инженерного образования, реализуемые правительством, опираются на альянс, членами которого выступают власти штатов, местные власти, организации промышленников и предпринимателей. Ассоциация 15 ведущих общественных организаций и бизнес-сообществ Tapping America's Potential («Использование американского потенциала») с 2005 г. ведет активную деятельность, привлекая население, работодателей, местные власти и власти штатов, государственные органы к решению задачи улучшения качества инженерного образования и увеличения количества выпускников американских вузов. Ее главной целью стало удвоение за сто лет (с нач. XX в. до 2015 г.) числа выпускников американских вузов по специальностям «естественные науки», «математика», «технологии и инженерия». В докладе, подготовленном ассоциацией, качество инженерного образования рассматривается как главное условие сохранения глобальной гегемонии Америки, поскольку «высокообразованные технические специалисты являются важнейшим дифференцирующим звеном в глобальной экономической конкуренции» [17], а экономическая мощь является главным фактором сохранения Америкой статуса мировой сверхдержавы.

В рамках названной тенденции власти 29 штатов совместно с Национальной ассоциацией производителей США реализуют программу «Мечтай и сделай», направленную на популяризацию и повышение престижа технических профессий, инженерного образования и инженерной деятельности в сфере

реального производства среди молодежи и семей. Общественная организация «Новый альянс производителей» осуществляет переподготовку рабочих технических специальностей и инженеров на базе национальных институтов и колледжей. И организация, и образовательные организации получают гранты правительства США на реализацию названных программ.

Меры, предпринимаемые правительствами европейских стран, принесли ощущимый эффект. Высокотехнологичные отрасли промышленности США, Германии и Франции опережают по темпам роста остальные секторы экономики. На ближайшую перспективу аналитики прогнозируют рост числа промышленных предприятий, заводов, фабрик и индустриальных комплексов в США и Западной Европе.

Несмотря на предпринимаемые меры, мировая экономика, особенно в странах, наиболее активно осуществляющих политику новой индустриализации, испытывает дефицит в специалистах инженерного профиля высшей квалификации. Так, по данным исследования глобальной рекрутинговой компании Manpower Group (в опросе приняли участие 39 тыс. работодателей из 40 стран), более 50 % компаний в наиболее развитых странах мира испытывают потребность в технических специалистах высшей квалификации: инженерах, техниках, научных сотрудниках и др. В 2015 г. промышленность США испытывала нехватку квалифицированных кадров, которая, по оценкам Общества производственных инженеров (Society of Manufacturing Engineers), составляла 3 млн человек [12].

В значительной степени этот дефицит связан с ростом промышленного производства и возвращением промышленных мощностей на территории США, Германии, Франции, которые являются следствием шестой промышленной революции и политики новой индустриализации [6]. Новая политика инженерного образования продолжает оставаться одним из приоритетных направлений реиндустриализации (нового индустриального прорыва) для властей США.

Новая политика инженерного образования приобрела в ведущих странах транснациональный характер. Одной из первых международных ассоциаций нового типа, в которые вошли технические университеты Северной Америки, Европы, Азии, Австралии и да-

же Африки стала сеть «Инициатива CDIO». В соответствии с новой идеологией CDIO (Conceive – Design – Implement – Operate), в основе которой лежит освоение студентами инженерной деятельности в соответствии с моделью «Планировать – проектировать – производить – применять» реальные системы, процессы и продукты на международном рынке. Данный международный проект направлен на устранение противоречий между теорией и практикой в инженерном образовании. Новый подход предполагает усиление практической направленности обучения, а также введение системы проблемного и проектного обучения.

В вопросе российской новой промышленной политики, помимо собственно экономических аспектов, российские элиты также ориентируются на политические факторы, преследуя амбициозные цели освобождения экономики России от импортозависимости [5], обеспечение геополитического могущества на основе экономического роста и даже вхождение России в число ведущих экономик мира (премьер-министр Д. А. Медведев утвердил единый план по достижению национальных целей развития России на период до 2024 г. Согласно документу, Россия к 2023 г. опередит Германию по размерам ВВП и войдет в число крупнейших экономик мира).

В экономическом отношении решение этой задачи для России затруднено не только тем, что политика промышленного ренессанса или индустриализация осмысlena в западных странах как стратегическое направление развития более 10 лет назад и эти страны движутся в соответствующих направлениях колоссальными темпами, но и тем, что отставание России по уровню ВВП промышленного производства в начале пути (2008) было настолько велико, что этот разрыв по отношению к ведущим странам мира мог показаться непреодолимым.

Имея 6-й показатель ВВП во всем мире, Россия находится лишь на 17-м месте по уровню промышленного производства, которое по объему в 24 раза меньше объема мирового промышленного лидера – США. Показатели развития промышленного производства могут показаться удручающими. С конца 1980-х до начала 2010-х гг. объем товаров с высокой добавленной стоимостью в объеме ВВП в России снизился с 40 до 4 %.

В предреформенном 1991 г. Россия находилась на 3-м месте в мире по количеству производимых станков и тяжелого оборудования, в 2012 г. доля нашей страны в мировом станкостроении составляла лишь 0,3 %. В 1991 г. самолеты, произведенные на предприятиях СССР, занимали около 40 % мирового парка гражданской авиации, в 2012 г. их количество составляло менее 2 %. Советский Союз являлся экспортёром электровозов и вагонов, Россия импортирует подвижные составы из Западной Европы. Доля России на мировом рынке научекомкой продукции в 2012 г. составила менее 0,3 %, тогда как США – 36, Японии – 30, Германии – 17 %.

Россия вынуждена пожинать плоды многолетнего пренебрежения к развитию промышленности и отрицания целесообразности разработки и проведения промышленной политики, которая под влиянием либеральных идеологем долгое время являлась табу для экономического блока действующих правительств. Результатом такого отношения к промышленности стала деиндустриализация, технологическое отставание, растущая импортозависимость, низкие эффективность и конкурентоспособность промышленного сектора, уровень которых в условиях обостряющейся геополитической обстановки и применяемых западных санкций может иметь для страны критическое значение. Все это происходит на фоне переосмысления роли индустриального развития в посткризисный период на Западе, превращения «новой индустриализации» в мейнстрим экономической политики, суть которой – перевод всех секторов экономики на новую высокотехнологичную основу.

Таким образом, новая промышленная политика и политика в отношении инженерного образования зиждется на осознанной политическими элитами необходимости построения инновационной индустрии, восстановления и развития промышленного потенциала нашей страны с привлечением новых кадров и высоких технологий.

Политическое измерение. В политическом отношении промышленная политика для России и выработка подходов к ее осуществлению – всегда больше, чем просто политика. С конца 1980-х гг. промышленная политика являлась полем битвы либералов и консерваторов-патерналистов. В 1990-е гг. борьба между сторонниками «шоковой те-

рапии» и «градуалистами» стала особенно жесткой.

Принято считать, что либералы выступают за расширение роли бизнеса и частного предпринимательства в формировании основ промышленной политики, в то время как консерваторы-патералисты выступают за осуществление реиндустриализации «железной рукой» государства [18]. Промышленная политика является пространством осуществления мощного лоббистского давления на законодательные и исполнительные органы власти со стороны представителей различных отраслей: военного комплекса, добывающей, обрабатывающей, тяжелой промышленности и т. д. [7].

Политическая весомость промышленной политики в России связана с тем, что важнейшей предпосылкой успешности ее осуществления аналитики считают личностный фактор: то есть зависимость институциональных изменений от воли политического лидера и политической элиты [18]. Поворотным моментом, ставшим точкой отсчета политики реиндустриализации в России, стало вхождение Республики Крым в состав Рос-

сийской Федерации, которое, с одной стороны, продемонстрировало готовность страны, президента, политической элиты и большинства населения вновь занять позиции мировой сверхдержавы. С другой стороны, это событие и комплекс принятых (в России и за рубежом) по его итогам политических решений привел к осложнениям взаимоотношений России с западноевропейскими странами и США.

Введение секторальных санкций против России, ослабление курса рубля привели к сокращению поставок товаров в Россию уже в 2014–2015 гг. Экономика России (особенно наукоемкие отрасли) в значительной степени зависела от импорта из промышленно развитых стран технологий, материалов, комплектующих, реактивов, что отражено на рисунке [2; 3]. По данным Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, в 2014 г. 62 % предприятий в промышленности работали на импортном оборудовании и сырье, однако могли относительно безболезненно найти их аналоги в России, и только 27 % российских предприятий не закупали импорт [13].

Степень импортозависимости отраслей промышленности РФ в 2014 г. /
The degree of import dependence of industrial branches of the Russian Federation in 2014

Данные указывают на высокую степень импортозависимости экономики России (в 2014 г. Россия импортировала машин и оборудования на сумму, равную 87 % от внутреннего производства), в то время как аналитики указывают, что угроза национальной экономической и технологической безопасности возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25 %. Некоторые виды производства фактически полностью перешли под контроль иностранных корпораций, в частности, производство легковых автомобилей, бытовой и офисной техники и т. д.

Названные экономические причины объективно и независимо от политических обстоятельств создают угрозу экономической безопасности РФ. Необходимость преодоления отрицательных негативных последствий политической изоляции России вследствие вхождения Республики Крым в состав РФ (градус напряженности в отношениях России с западными странами с начала 2014 г. непрерывно нарастал до 2016 г., на что указывают не только первая волна санкций, которая состояла во введении ряда ограничений на импорт стратегически значимой продукции из-за рубежа, но и дальнейшая эскалация взаимной санкционной политики, нарастание агрессивной риторики в речах государственных лидеров и различных документах, таких как коммюнике, декларации, официальные заявления, ноты) стала тем фактором, который побудил руководство РФ к пересмотру приоритетов промышленной политики, важнейшим из которых стало импортозамещение. Импортозамещение является не просто стратегией промышленного развития или его приоритетом, оно, на наш взгляд, должно рассматриваться в качестве идеологического концепта.

Эта новая стратегия и идеологическая конструкция, которая, в определенном смысле, перекликается с советской стратегией и идеологией Холодной войны, включает ряд идеологем. К их числу относится идея «Россия в кольце врагов». Так, председатель Правительства РФ заявлял: «Мы должны понимать, что можем противопоставить в этой ситуации. И когда кольцо вокруг нашей страны начинает сжиматься, а количество стран, которые входят в НАТО, все увеличивается и увеличивается, – это нас не может не беспокоить». В рамках этой

концепции кольцо вокруг России сжимается, и западные санкции свидетельствуют об этой тенденции. Поэтому после 2014 г. ввиду действия недружественных западных государств экономика России страдает от ряда ограничений.

Однако ограничения, задуманные западными политиками как инструменты изоляции и подавления политической активности за счет экономического прессинга, оказываются обстоятельствами, стимулирующими более эффективное применение внутренних резервов и факторов роста, которое, в конечном итоге, приведет Россию к занятию более автономной и весомой геополитической и геоэкономической позиции. На наш взгляд, именно эта идеологическая конструкция выкристаллизовывается из высказываний политических лидеров нашей страны, в частности, В. В. Путина. Так, на заседании Совета по науке и образованию в Санкт-Петербурге (2014), президент отмечал, что «ограничения, связанные с передачей нам современных технологий, – это не очень хорошо, но в чем-то это может быть нам на руку. Потому что если легче было что-то купить, то сейчас нужно будет вложить определенные средства, чтобы создать самим. Понятно, что этот процесс непростой, можно сказать, сложный, но, тем не менее, в существующих обстоятельствах есть очевидный плюс. Россия получила мощный импульс к научному и технологическому развитию» [4].

Таким образом, политика импортозамещения ориентирована не только и не столько на преобразование экономической ситуации в стране, сколько на решение задачи обеспечения России большей политической автономии (на фоне эскалации мер по ее изоляции со стороны иностранных государств) за счет роста национального экономического, в первую очередь, промышленного потенциала. Новая индустриализация и импортозамещение, как ее ключевое направление, в своей идеологии, выраженной в ряде нормативных актов, игнорирует ряд экономических ограничений (недостаточная свобода частного предпринимательства в России, низкий индекс бизнес-активности, падение индексов инвестиционной привлекательности, дефицит бюджета в 2015–2016 гг., технологическое отставание России от ведущих западных стран, недоразвитость, забюрократизированность и коррумпированность российского

рынка, эмиграция высококвалифицированных кадров и т. п.).

Ввиду политизированности целей, оптимистичные оценки эффективности этой политики, зафиксированные в различных программных документах и «дорожных картах», которые приняты Правительством РФ в 2014–2015 гг., и указывающие на возможность снижения доли импорта по некоторым отраслям на 25...30 %, кажутся чрезмерно оптимистичными ряду экономических аналитиков. Еще менее состоятельным кажется прогноз Министерства финансов, в соответ-

ствии с которым заданные показатели по импортозамещению должны быть достигнуты за счет частных инвестиций, приблизительно в 6 раз превышающих объемы всех государственных средств, выделяемых на реализацию программ импортозамещения (в настоящее время действует более 20 отраслевых планов и 2000 программ господдержки промышленности). На этот прогноз правительство опиралось даже в 2015 г., несмотря на то, что инвестиционная активность внутри России была низкой и продолжала снижаться [13].

Список литературы

---

1. Дежина И. Г., Ключарев Г. А. Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48.
2. Доля импорта в отраслях промышленности России. URL: <http://www.vestifinance.ru/infographics/4721> (дата обращения: 12.08.2019). Текст: электронный.
3. Жакевич А. Г. Влияние спада промышленности на социальное положение регионов России // СНГ: внутренние и внешние драйверы экономического роста: сб. ст. М., 2015. С. 27–31.
4. Заседание Совета по науке и образованию 8 декабря 2014 года: стенографический отчет. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47196> (дата обращения: 20.10.2019). Текст: электронный.
5. Идрисов Г. И. Промышленная политика России в современных условиях. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 160 с.
6. Малыхин М. Демографическая петля страны // Ведомости. 2013. № 136.
7. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для общества с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 4–31 .
8. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С. Д. Валентея. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. 72 с.
9. Сахапов Р. Л., Абсалямова С. Г. Новые приоритеты промышленной политики и смена парадигмы инженерного образования // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 3. С. 221–229.
10. Современные процессы модернизации экономики зарубежных стран / под ред. В. Б. Кондратьева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 364 с.
11. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика. Генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9–21.
12. Толкачев С. А. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада // Экономист. 2014. № 10. С. 54–69.
13. Цухло С. Как победить засилье импорта // Эксперт. 2015. № 12. С. 40–42.
14. Aigner K. Industrial policy for a sustainable growth path. URL: <https://www.oecd.org/economy/Industrial-Policy-for-a-sustainable-growth-path.pdf> (дата обращения: 12.09.2019). Текст: электронный.
15. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions for a European industrial renaissance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?Uri=CELEX:52014DC0014> (дата обращения: 15.11.2019). Текст: электронный.
16. Lin J. Y. The quest for prosperity: how developing economies can take off. Princeton: Princeton University Press, 2012. 344 р.
17. National Science Board Science and Engineering Indicators 2012. URL: <https://archive.org/details/NationalScienceBoardScienceAndEngineeringIndicators2012/page/n2/mode/2up> (дата обращения: 10.08.2019). Текст: электронный.
18. Rodrik D. Industrial policy for the twenty-first century. URL: <https://www.studocu.com/en/document/university-of-greenwich/political-economy-of-international-development-and-finance/other/paper-rodrik-industrial-policies-for-the-twenty-first-century/1822786/view> (дата обращения: 01.09.2019). Текст: электронный.

References

1. Dezhina I. G., Klyucharev G. A. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. (Sociological Studies), 2018, no. 9, pp. 40–48.
2. *Dolya importa v otrasylyah promyshlennosti Rossii* (The share of imports in Russian industries). URL: <http://www.vestifinance.ru/infographics/4721> (Date of access: 12.08.2019). Text: electronic.
3. Zhakevich A. G. *SNG: vnutrenniye i vneshniye drayvery ekonomicheskogo rosta: sb. st.* (CIS: internal and external drivers of economic growth: collected art.). Moscow, 2015, pp. 27–31.
4. *Zasedaniye Soveta po nauke i obrazovaniyu 8 dekabrya 2014 goda: stenograficheskiy otchet* (Meeting of the Council on Science and Education December 8, 2014: verbatim report). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47196> (Date of access: 20.10.2019). Text: electronic.
5. Idrisov G. I. *Promyshlennaya politika Rossii v sovremennykh usloviyah* (Industrial policy of Russia in modern conditions). Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar, 2016. 160 p.
6. Malykhin M. *Vedomosti* (Vedomosti), 2013, no. 136.
7. Nort D., Uollis J., Ueb S., Vayngast B. *Voprosy ekonomiki* (Issues of Economics), 2012, no. 3, pp. 4–31.
8. *Reindustrializatsiya ekonomiki Rossii v usloviyakh novyh ugroz* (Re-industrialization of the Russian economy in the face of new threats) / ed. S. D. Valentei. Moscow: REU named after G. V. Plekhanova, 2015. 72 p.
9. Sakhapov R. L., Absalyamova S. G. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta* (Bulletin of the Kazan State University of Architecture and Civil Engineering), 2015, no. 3, pp. 221–229.
10. *Sovremennyye protsessy modernizatsii ekonomiki zarubezhnyh stran* (Modern processes of foreign countries' economy modernization) / ed. V. B. Kondratiev. Moscow: IMEMO RAS, 2012. 364 p.
11. Tatarkin A. I., Romanova O. A. *Ekonomika regiona* (Economy of the region), 2014, no. 2, pp. 9–21.
12. Tolkachev S. A. *Ekonomist* (Economist), 2014, no. 10, pp. 54–69.
13. Tsukhlo S. *Ekspert* (Expert), 2015, no. 12, pp. 40–42.
14. Aigner K. *Industrial policy for a sustainable growth path* (Industrial policy for a sustainable growth path). URL: <https://www.oecd.org/economy/Industrial-Policy-for-a-sustainable-growth-path.pdf> (Date of access: 12.09.2019). Text: electronic.
15. *Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions for a European industrial renaissance* (Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions for a European industrial renaissance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?Uri=CELEX:52014DC0014> (Date of access: 15.11.2019). Text: electronic.
16. Lin J. Y. *The quest for prosperity: how developing economies can take off* (The quest for prosperity: how developing economies can take off). Princeton: Princeton University Press, 2012. 344 p.
17. *National science board science and engineering indicators 2012* (National science board science and engineering indicators 2012). URL: <https://archive.org/details/NationalScienceBoardScienceAndEngineeringIndicators2012/page/n2/mode/2up> (Date of access: 10.08.2019). Text: electronic.
18. Rodrik D. *Industrial policy for the twenty-first century* (Industrial policy for the twenty-first century). URL: <https://www.studocu.com/en/document/university-of-greenwich/political-economy-of-international-development-and-finance/other/paper-rodrik-industrial-policies-for-the-twenty-first-century/1822786/view> (Date of access: 01.09.2019). Text: electronic.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Добрынина Мария Владимировна, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва, Россия. Область научных интересов: глобализационные процессы, корпоративная экономика
dmariyavl@bk.ru

Maria Dobrynina, associate professor, Economics, Management and Finance department, National Research University of Electronic Technology “MIET”, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: globalization processes, corporate economy

Образец цитирования

Добрынина М. В. Глобальный промышленный ренессанс и новая промышленная политика России: экономическое и политическое измерения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 1141–22. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-1-114-122.

Dobrynina M. Global industrial Renaissance and new industrial policy of Russia: economic and political dimensions // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 141–22. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-1-114-122.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2019 г.
Статья принята к публикации: 14.01.2020 г.